

**Мотив «бегства из рая» в современной российской прозе
(повесть «Ловушка для Адама» Л. Бородина,
роман «Беглец из рая» В. Личутина)**

Как известно, русская литература теснейшим образом и на генетическом уровне связана с Библией, библейским текстом в целом. Т. Н. Козина справедливо отмечает, что «в дореволюционной прозе библейские мотивы пронизывали художественную ткань многих произведений» [5, с. 170]. Христианские сюжеты и мотивы осмыслились и творчески интерпретировались в сочинениях многих отечественных писателей-классиков. Русскоязычная проза XX в., несмотря на перемены в социокультурном контексте ее существования, также сохранила глубинные связи с христианской традицией, о чем свидетельствует творчество в том числе и писателей 1990–2000-х гг., к которому мы обратимся в данной работе.

Существует ряд современных литературных произведений, созданных в ближайшие десятилетия, которые, будучи наполнены разным смысловым контекстом, в своей основе имеют один и тот же библейский ветхозаветный мотив «бегства из рая»: в нашей работе это повесть «Ловушка для Адама» (1994) Леонида Бородина и роман «Беглец из рая» (2005) Владимира Личутина. Оба произведения уже в названии содержат отсылку к библейскому сюжету изгнания (исхода) из рая. Однако примечательно, что в современной литературе мотив изгнания из рая трансформировался в мотив бегства из рая, ставший уже вполне устойчивым, что отразилось, в частности, в названии известной ныне книги Павла Басинского «Лев Толстой. Бегство из рая», написанной через пять лет после романа Личутина.

Герой повести Л. Бородина «Ловушка для Адама», он же рассказчик, волею автора оставлен без имени: это молодой человек 90-х гг. XX в., ведущий типичный для своего времени образ жизни. Его окружают люди и обстановка, соответствующие его эпохе, и он чувствует себя «своим» в криминальной группировке. Однако в определенных обстоятельствах он снова оказывается тем самым Адамом, у которого есть возможность начать все сначала и избежать грехопадения.

Одна из основных идей «Ловушки...» заключается в том, что во власти человека воздержаться от греха и тем самым выполнить свою часть

миссии по спасению себя, ближнего и человечества. Эта мысль была высказана писателем еще в 1965 г. в его «первой практической» статье «Христианство как философия сохранения человеческого рода» (см.: [2]).

Пространство повести условно делится на две части: это мир внешний и мир внутренний. Явление герою его умершей матери во сне нарушает целостность привычной для него внешней картины мира. Он обращается к миру внутреннему, начинает познавать себя, видя ее «до разрыва печальное лицо» и понимая, что гармония нарушена в нем самом.

Рисуемая Л. Бородиным картина ада, где пребывает мать главного героя, будучи одним из ключевых библейских топосов, не напоминает традиционные чувственно-детализированные представления об адских мучениях: «Ад этот – вовсе не котлы с кипящей смолой и не чертовы сковородки, дыбы и прочая инквизиторская дребедень» [1, с. 5]. Пребывание в аду – это не вечная жизнь, хотя бы в страдании, но мука вечной смерти (см.: [4]). Подобна этой муке и посмертная участь матери героя, суть наказания которой заключается в вечном наблюдении за сыном, его мыслями и поступками. Он понимает, что его земная жизнь, если и не является адом для него самого, то для души его абсолютно губительна.

Значимое место в повести занимает возникающий мотив присутствия Вездесущего Бога, который со скорбью наблюдает за изгнанными из рая людьми. Именно осознание того, что за ним наблюдают, видят все его поступки и слышат все его мысли, толкает будущего Адама если и не на поиски рая земного, то на побег из ада преступной человеческой жизни тех лет. Эту мысль развивает К. А. Кокшенева в статье «Выпавший из поколения. Интеллигент и философия Родины в прозе Л. Бородина»: «В творчестве Бородина усиливается эсхатологизм и тоска о чистой жизни (“Ловушка для Адама”). Он проведет своего героя по кругам почти средневекового понимания мироустройства: через *ад* (земной преступной жизни), *чистилище* (бегство героя из цивилизации, пребывание в пути, очищение водой Озера), и *рай* (герой неожиданно находит пристанище в счастливом доме, в Долине счастья), но совершив падение – “испакостил! осквернил!” чужую чистую жизнь – он изгоняется из рая, но остается с малой надеждой, что не все порушено, хотя и отягощена его душа опытом разрушения, – опытом тем более тяжким, что для гибели чистого, ясного, цельного даже и большие усилия не нужны» [6]. Т. И. Васильева также подчеркивает это деление жизненного пространства повести на два мира, отражающее традиционные христианские представления: «Пространство повести условно можно разделить на мир городской и “райский уголок”, отделенный от суетного мира людей Озером и Чертовым

мысом. Мир города, изображенный в повести, охвачен дьявольскими силами, что подчеркивается многократным использованием эпитетов “бесовской” и “чертовский» [3, с. 12–13].

Свой побег из преступного мира людей герой совершает, оставшись один в живых после того, как на него и компанию нападают неизвестные «черные тени». Он бежит из города на север, к Озеру, сам того не осознавая: «Смысл моих действий пребывал за или вне» [1, с. 18]. В этом райском месте, далеко от властолюбия, денег и убийств, герой по-новому осознает себя – ощущает себя своего рода первым человеком: «Я был один. Я был почти Адам» [1, с. 21]. Автор словно возвращает его к истокам, дает шанс все исправить и начать жизнь заново. Писатель не только отправляет современного Адама в идеальный мир, но и дает в определенной мере образец праведности – идеальную семью, живущую на этом острове, в которой царят мир, любовь и вера.

После побега герой осознает себя исключительным, одним из избранных: «Я был один. Я был почти Адам <...> все, что вокруг меня, было ДЛЯ меня <...> человеку двадцатого века доступны подобные настроения. <...> Но не всем, а лишь некоторым, и вот я попал в избранное число» [1, с. 21]. Оказавшись в семье людей чистых и праведных, следуя их образу жизни, живя вдали от греха и разврата, герой, казалось бы, действительно становится лучше, отдаляясь от своего прошлого и перерождаясь, сливаясь с окружающим его миром. Однако он нарушает одну из главных христианских заповедей: «Не возжелай жены ближнего своего» (Исх. 20: 17). Ксения становится для Адама тем самым запретным плодом, перед которым он не может устоять. Совершив грех, герой бежит из островного рая. Почему он так поступает? Надеясь на то, что Бог все-таки восторжествует и библейское пророчество осуществится, герой-рассказчик, безусловно, понимает, что он не сможет войти в число тех, кто спасется после Страшного Суда. Поэтому в его финальных рассуждениях звучит идея самопожертвования. Оказывается, что Адаму не нужны жизнь и свобода ценой разрушения семьи, ценой «избавления» от христианства. Эта мысль героя дает возможность предполагать, что число избранных после совершенного Ксенией и Адамом греха все-таки не распалось.

Итак, в своей повести Л. Бородин создает почти идеальный, догреховный мир, в который помещает героя своего времени, задавая тем самым важный, в том числе для самого себя, вопрос: определяет ли эпоха, общество, социальный и политический уклад человеческую природу, представление человека о добре и зле? Размышляя о свободе и грехе, любви и искушении, рае и аде, писатель дает возможность современному Адаму

победить преступную человеческую природу и остаться в «земном раю», однако герой снова оказывается искушенным. Тем не менее, несмотря на первоначальное ощущение разрушения «рая на земле», финал повести утверждает победу добра: герой-рассказчик – современный Адам, совершающий грехи, – готов покаяться и сохранить в себе веру в Бога, добро и справедливость.

Главный герой романа В. Личутина «Беглец из рая», Павел Петрович Хромушин, находится в поисках своего идеала жизни, любви и смерти. Его история – это история балансирования между городом и деревней, любовью и ненавистью, раем и адом. Не зря критики назвали героя Личутина «мятущимся интеллигентом», сравнивая его с современным Раскольниковым «без топора под мышкой, но наводящим смерть на окружающих почище любого колдуна из жрецов Вуду» [8, с. 13]. Хромушин – ученый, пишет диссертацию о логической системе сбоев, и размышления об этом сопровождают его на протяжении всего романа. Диссертация – дело всей его жизни и она, возможно, так и не будет написана. В одном из интервью сам В. Личутин сказал: «Жить в духовной системе без сбоев есть мечтание всякого народа, его идеал» [4, с. 6].

Роман, название которого уже содержит в себе интерпретацию известного библейского сюжета изгнания из рая, наполнен размышлениями героя о первородном грехе человека и последующей расплате за него: «Все человечество Господь сердито покарал; все надеялся, что услышит сетования, опомнится народец, а увидев, что все надежды тщетны, махнул рукою и попустил, де, живите, немилосердые, как хотите» [7, с. 22].

Концепт «рай» функционирует в романе в разных контекстах, его смысловое наполнение во многом зависит от того, в сюжете какого персонажа это понятие оказывается, какие события создают его контекстуальный фон. К примеру, для молодой девушки Татьяны, живущей в несчастливом браке, раем представляется неосуществимое материнство; для соседа главного героя, Поликарпа Ивановича, райскими являются воспоминания об утраченном Советском союзе, сам же Хромушин чувствует себя в раю лишь в объятиях возлюбленной. Не зря Татьяна говорит о ней Павлу: «Это Бог Еву послал...» [7, с. 419]. Понимание Хромушиным библейского сюжета изгнания из рая разнится с традиционным. По его мнению, причиной изгнания из рая была не соблазненная змием Ева – сам Адам, охваченный любовью к ней, поспешил бежать с Евой из рая небесного: «Он так воспылал неизвестной прежде любовью, он так захотел стать человеком, что от Отца убежал со своей половинкою, дабы создать род людской, противный Богу. Вот что такое

любовь, девочка моя» [7, с. 419]. Как полагает герой, эта разница в понимании рая является результатом внутреннего разлада в человеке, его двойственной сути и положения висящего на волоске между раем и адом. Таким образом, по мнению Хромушина, только от самого человека зависит, насколько он податлив либо неуступчив злу: «Я думаю, что Бог изначально дал человечеству волю, чтобы испытать Адама, глубину его страстей, но слепил по своему подобию, чтобы подсказать, что есть куда вернуться, есть за что зацепиться. И вот государство потихоньку, исподлясь, заменило волю свободой» [7, с. 103]. Источник всех бед русского народа Хромушин видит в том, что народ ушел от истинного порядка, лишился совести и воли. Освобождаясь от родовых уз, от памяти и веры предков, люди стремятся к максимальной свободе, но ею же и тяготятся.

Переехав из деревни в город в поисках рая на земле, герой, сам того не зная, оказывается тем самым «беглецом». Занятия политикой, общение с властью имущими и высокий чин в советском обществе – попытки достичь лишь иллюзорного счастья. По-настоящему счастливым герой чувствует себя именно в деревенском доме, там он видит свое будущее семейное счастье с Шурочкой.

Итак, Личутин размышляет о том, как мир пришел к тому хаосу, которой установился в наши дни, где роскошь одних соседствует с нищетой других, где в сознании молодежи происходит подмена ценностей и бесконечная свобода затмевает умы людей. Что же является спасением в этом мире? Очевидно, приверженность общечеловеческим ценностям, таким как семья и любовь, сохранение памяти своей «родовых», уважение истории русского народа. Это и спасает главного героя, стоящего на грани. В финале романа он находит свой рай в простой русской деревушке Жабки: «Вернусь назад в рай, сад насажу, яблочки наливные буду кушать» [8, с. 650]. Таким образом, миф о «бегстве из рая» трансформируется в миф о «возвращении блудного сына». Возврат к истокам, осознание своей истинной природы и ее приятие позволяют Хромушину обрести волю, гармонию с миром и желание жить, его душевные метания остаются в прошлом.

Тем не менее, в романе «Беглец из рая» Личутин отнюдь не идеализирует деревню, видя лишь в ней спасение человека. Деревня также переживает «системные сбои»: молодые сельские мужчины умирают, и кладбище, на которое выходят окна деревенского дома, подчеркивает упадок и гибель деревни. Конструируя ситуацию возвращения к истокам, к тому, с чего все начиналось, Личутин хочет вернуть своих

героев в рай – место, где только от них будет зависеть дальнейшая судьба человечества. На рубеже веков подобные идеи волновали умы многих писателей, однако у Личутина желание главного героя «покушать яблочки наливные» звучит как мысль о том, что, даже вернувшись к началу начал, человек остается раздвоенным: «Все в мире несет в себе скрытый предательский замысел, являющийся вдруг изнутри, из самой сердцевины любого явления, выгрызающий самые добрые намерения, как яблочный червь» [7, с. 33]. Не случайно последней строчкой романа, нарушающей, казалось бы, наконец установившуюся идиллию и возможность семейного счастья Павла, являются слова героя: «Я смотрел на Шурочку, и весь белый свет для меня невольно сошелся на ней клином. И вдруг в сердце проснулась ревность...»

Итак, в рассмотренных прозаических произведениях современных российских писателей, опубликованных на стыке XX и XXI вв., известный библейский сюжет изгнания / исхода / бегства из рая подвергается развернутой авторской рефлексии. Размышления о Боге и человеке, рае и аде, формирующие основное проблемное содержание этой прозы, вполне закономерны для литературы рубежа веков и исторического перелома: раздвоенность и растерянность человека в эпоху безвременья неизменно обращает на себя внимание писателей, побуждая к творческим поискам вечных ценностей. Главные герои обоих произведений находятся в ситуации потерянности, они без сожаления готовы расстаться со своим губительным прошлым и прийти к покаянию перед Богом и самим собой. Несмотря на неоднозначность финалов «Ловушки для Адама» и «Беглеца из рая», вопрос о том, как жить дальше, оставить ли преступный бандитский мир или суетный властолюбивый мир города, для героев является решенным. Неизменным остается одно: открытый финал, в котором автор оставляет за читателем возможность судить, реально ли возрождение героев. Как человек поступит со своей свободой, дарованной Богом, остается вечным вопросом.

Список литературы

1. *Бородин Л. И.* Ловушка для Адама // Юность. 1994. № 9. С. 4–53.
2. *Бородин Л. И.* Считаю себя русистом // Завтра. 2002. № 4, 12 апр.
3. *Васильева Т. И.* Творчество Л. И. Бородина: особенности проблематики и поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск : [б. и.], 2007. 19 с.
4. *Кожмяко В.* Душа Соборная // Советская Россия. 2002. 4 янв.

5. *Козина Т. Н.* Библейские мотивы в русской прозе 1960-х – 1980-х годов // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 169–174.

6. *Кокшениева К. А.* Выпавший из поколения. Интеллигент и философия Родины в прозе Леонида Бородина // Кокшениева К. А. Революция низких смыслов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/text/borod.html> (дата обращения: 12.12.2016).

7. *Личутин В. В.* Беглец из рая : роман. М. : ИТРК, 2005. 656 с.

8. *Огрызко В. В.* В поисках Беловодья // Литературная Россия. 2005. № 43.

М. Леонова (Гёттинген, Германия)

Функция иностранного слова в прозе Виктора Пелевина

В прозе Виктора Пелевина наибольшее количество иностранной лексики встречается в романах «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (125 включений), «S.N.U.F.F.» (154 включения) и «Бэтман Аполло» (163 включения). За ними следуют «Смотритель» (74 включения), «Generation “П”» (83 включения) и «Шлем ужаса» (68 включений). Речь идет о включениях английской, французской, немецкой, латинской, японской, китайской, украинской и ивритской лексики.

Для начала рассмотрим роман, в названии которого уже заключена программа таких включений, – «Generation “П”». Название романа представляет собой сочетание двух языков (английского и русского) и двух алфавитных систем (латиницы и кириллицы). За названием следует посвящение «Памяти среднего класса» на русском и эпиграф на английском языке с переводом, данным в ссылке и представляющим собой параллельный текст. Следом, в заголовке первой главы, идет перевод названия романа – «Поколение “П”» [3]. Таким образом, уже на уровне макроструктуры произведения дается набросок основных стратегий введения иностранной лексики в текст: прежде всего, стратегии параллельного включения, не нарушающей процесс восприятия информации, даваемой на русском языке (иными словами, читатель получает всю релевантную для автора информацию в рамках одного языка – русского). Возникает